

УЛАЛА

В Ойротии нет городов. Столица области – большое невылазно грязное село Улала.

Население областного центра незнакомо с канализацией, водопроводом, моется в черных банях и считает излишней роскошью уборную.

Впрочем, одно впечатление производит Улала, когда приезжаешь из культурных мест, и совершенно другое, когда, возвращаясь в Улалу из дебрей горного Алтая, невольно начинаешь смотреть на все глазами кочевников-ойротов. В сравнении с тем, как живут алтайцы в горных аилах, Улала – великолепная столица.

Соседи Ойротии – горная Шория, Хакасия, Танну-Тува - посылают в Улалу своих ребят учиться, как в Сорбонну. В Улале имеется интернат для таннугувинских школьников. Улалинская почтенного возраста типография силится обслужить также и своих соседей.

От Бийска до Улалы около ста километров. Выехав рано утром из Бийска с хорошим ямщиком, можно к обеду попасть в Улалу. В ушах потом долго стоит звон ямщицких бубенцов.

Дорога идет лугами с небольшими перевалами; то слева, то справа шумит и пенится на порогах Катунь (две паромных переправы через Катунь и одна через Ишу); набегают и остаются позади большие села: Верхне-Катунское, Сростки, Тарханское¹, Шульгин Лог, Платово, Майма... Сбоку закрыла полнеба слонообразная гора Бабырган.

Встречаясь, пассажиры высовываются из бричек и недоуменно оглядываются друг на друга. Бийские пассажиры одеты по-летнему и засыпаны пылью как мукой. А улалинские, словно выкупались в Катунь, в намокших плащах, в лепешках грязи. «Поедете дальше, сами будете не лучше», - хладнокровно отвечают на насмешки бийских ямщиков улалинские.

Какая бы ни стояла погода в Бийском округе, в северной части горного Алтая, в Улалинском районе дня не проходит без дождя. Приближаясь к Улале, пыльный вначале тракт становится невылазно грязным. А когда въезжаешь в село Улалу, раскинувшееся в низине, окруженное невысокими горами и издали кажущееся зеленым и кудрявым, то как будто погружаешься вместе с бричкой в лиманные грязи.

Свойство улалинской грязи – никогда не просыхать. Даже в самую жаркую пору улицы Улалы непроходимы...

Первое, с чем знакомится приезжий в Улале, это новое жилстроительство Ойротии. Ямщик, не справляясь с желанием пассажира, сворачивает во двор нового двухэтажного деревянного дома. Впрочем, кроме как в «Доме Крестьянина», в Улале негде остановиться.

Однако в «Доме Крестьянина» не оказалось свободного номера. Квартирный кризис – как и в самой заправской столице. Приехавшая часом раньше меня экспедиция Совкино заняла свободную столовую. Степанов² (в то время во всех кино шел его «Шанхайский документ») в пустой большой столовой поставил палатку, извлек из чемоданов и ящиков свою химию и уже что-то проявлял и сушил с кинооператором.

Путем уплотнения комендант все же освободил мне номер, но с такими щелями в перегородках, что можно было просунуть руку. Стояла в нем железная койка с набитым соломой мешком вместо матраца. Находчивый комендант, вооружившись ножницами, цветным картоном и кнопками, закрыл щели. Номер зарядил, как зебра.

Все новые дома в Улале, как оказалось потом, страдают теми же недостатками, что и «Дом Крестьянина». А казалось бы, что в тайге, где избыток строительного материала, можно бы избежать этого.

Небезынтересна история постройки бани в Улале. В Ойротии большая часть туземного населения не только не моется в банях, но и не умывается никогда. Постройка бани в Улале была событием почти политического значения. «Ойротский Край» по этому случаю открыл целую кампанию. Население толпами ходило смотреть, как строят баню. Наконец баня построена. Забыли только поставить котел. А когда котел привезли, то оказалось, что его можно поставить не иначе, как разобрав стену. Вместе с тем выяснилось, что подпочвенная вода грозит затопить здание бани и никакой бетон не спасет его. В конце концов пришли к тому, что баня построена не на месте: будет загрязнять Майму, полицу всего улалинского населения. Теперь идет спор, куда перенести баню.

Еще в Улале построен клуб-театр с крышей в стиле мавзолея (театр, увы, без уборных), перестроена школа-девятiletка, выстроены интернат, двухэтажные деревянные здания облисполкома и обкома и другие.

Центр Улалы начинает принимать вид уездного города, но улалинский коммунхоз еще не добрался до окраин села и дворов, по-прежнему утопающих в навозе. Не позаботился и о водопроводе. В окрестностях Улалы есть чистые источники, а население пьет воду из Улалы и Маймы, похожую на навозную жижу. Почти у всех улалинцев поэтому солитер.

На новое строительство Улалы истрчено немало. И область требует новых ассигнований. Но не исключена возможность, что областные учреждения будут перенесены куда-нибудь ближе к центру области. Улала слишком удалена от других аймаков. Не повторяет ли Ойротия ошибку Казакстана, которому столь дорого обошлось строительство Кзыл-Орды, оставшейся в конце концов за штатом?..

Облисполком и обком помещаются через дорогу. В облисполкоме на председательском месте сидит Иван Савельевич Алагызов, бывший учитель миссионерской школы, один из первых ойротов, вступивших в партию. Мягкий, улыбающийся человек. В обкоме в кабинете секретаря – тов. Папардэ с пышной рыжеватой шевелюрой, тоже бывший учитель, латвийский эмигрант, участник партизанского движения в Сибири. На их плечах лежит вся тяжесть управления и руководства Ойрот-областью. В Ойротии особенно ощущается недостаток в политически подготовленных и просто грамотных работниках. Воспитанная миссионерами местная интеллигенция зачастую явно не пригодна к работе в советских условиях, а приезжие работники не знают ойротского языка.

В Улале еще только организуется педагогический техникум, и когда-то он даст новые кадры учителей. А между тем вряд ли где-либо еще учительская работа так интересна и благодарна, как в Ойротии. Ойротские ребята очень способны, даровиты. Впоследствии Ойротия, несомненно, даст талантливых художников, музыкантов, поэтов.

В Улалу из Кош-Агача прибыла экскурсия школьников - теленгитов и киргизов³. На улицах, в столовой, в музее – всюду приходилось сталкиваться с смуглолицыми, несколько другого типа, чем местные туземные ребята, школьниками и их учителями. Они производили впечатление провинциалов, впервые попавших в Москву. Видимо, великолепие Улалы их поражало и смущало.

Как-то я застала теленгитов в школе-девятилетке. В большом зале, столпившись возле рояля, который они видели в первый раз, теленгиты с блестящими глазами слушали игру местного композитора и краеведа, учителя Анохина⁴. Анохин, откинув на байроновский, но сомнительной чистоты воротник артистические волосы, играл с заметным увлечением, а сам все косился на ребят, проверяя, какое впечатление производит на них рояль. На музыкальных от природы ребят рояль произвел непередаваемое впечатление. Их с трудом удалось увести из зала. Замечательно, что потом малыши на слух поразительно верно воспроизводили незнакомые мелодии.

Улалинские ребята приняли гостей очень радушно и по восточному обычаю дарили им понравившийся рисунок рукоделия.

Теленгитский учитель указал мне на одного мальчика, который с особым интересом рассматривал развешанные на стенах рисунки улалинских школьников.

- Будущий художник, необыкновенные способности.

В Кош-Агаче я видела художественно вырезанные из дерева вещицы одного пастуха.

Природные способности алтайцев к музыке, живописи, поэзии не развивались. До революции на Алтае не было других школ, кроме духовных. А в Кош-Агачском районе среди теленгитов и киргизов почти не было школ. Мальчики учились у мулл, а девочки оставались неграмотными. Не сразу согласились посылать в советскую школу девочек. Участие девочек-теленгиток в ученической экскурсии было отмечено педагогами как крупное достижение.

В горном Алтае два художника: Гуркин и Чевалков. Гуркин – законченный известный художник; был одним из главных деятелей Каракорумской думы, при колчаковцах угодил в тюрьму, а сейчас живет недалеко от Чемала и пишет картины. Чевалков – самоучка–алтаец племени телеутов. Учился в единственной доступной алтайцу миссионерской школе, рано стал увлекаться живописью, но работал урывками. Кто-то надоумил его обратиться к томскому архиерею Макарию. Макарий, посмотрев работы Чевалкова, посоветовал ему бросить богохульные мысли о художественной школе и начать учиться иконописи, обещая содействие. Чевалков отказался и продолжал упорно работать над живописью без посторонней помощи.

Сейчас Чевалков преподает рисование в улалинской школе и иногда выставляет картины на художественных выставках в Бийске, Томске и Новосибирске. Сибирские критики обвиняют Чевалкова в подражании Кустодиеву, Гогену, Сезанну. «А я, - говорит Чевалков, - не только никогда не видал картин этих художников, но и услышал-то о них недавно».

Я видела работы Чевалкова. Конечно, технически они далеко не совершенны. Но от некоторых его работ трудно оторваться. Они передают Алтай таким, каким его может видеть только ойрот.

В Улале выходят две газеты: на русском языке «Ойротский Край»⁵ - тираж тысяча с небольшим – и на ойротском – «Кызыл Ойрот»⁶ («Красный

Ойрот») – тираж всего 700 экземпляров. «Ойротский Край» выходит два раза в неделю, «Кызыл ойрот» - один. Обе газеты страдают одними и теми же недостатками: слабой информацией с мест и отсутствием оригинального материала. Газета «делается» ножницами. Объясняется это, конечно, слабостью и недостатком литературных сил.

Одно время Домрачев – редактор «Ойротского Края» - должен был редактировать и «Кызыл Ойрот», не зная ни слова по-ойротски. Что из этого получалось, не трудно представить.

Правда, среди областной партийной молодежи есть имеющие склонность к писательству, но они завалены работой. Лишь в последнее время начали кое-что предпринимать в смысле обработки истпартовских⁷ материалов и документов. Материалы эти также следует отнести к неоткрытым сокровищам Алтая.

Возле крыльца улалинской амбулатории, старого одноэтажного деревянного здания, толпятся крестьяне-туземцы и русские крестьяне, а у забора понуро стоят голодные верховые лошади. Нужно иметь крепкие нервы, чтобы выдержать час в приемной в улалинской амбулатории. Алтайцы обращаются в областную амбулаторию только в крайнем случае, когда испробовали все свои средства. Приходят с ужасающими последствиями лечения камов, знахарей. Тут же можно встретить самого кама, изверившегося в помощи богов и решившегося наконец обратиться к венерологу. Много искалеченных – придавило срубленное дерево, расшибся, упав с семисаженного кедра во время сбора орехов, задрал медведь. Больницы и фельдшера имеются далеко не во всех аймаках, а хирург один на всю область – в Улале. Первую помощь в тайге оказывают бабки, камы, в лучшем случае – фельдшер. Лекарство тоже домашнее – крапива, пихтовое масло. Одно из универсальнейших средств – моча. Улалинская аптека – одна на всю область.

Положение улалинских врачей тяжелое. К ним со всей области стекаются самые разнообразные больные, заразные, нуждающиеся в сложнейших операциях и в продолжительном стационарном лечении. А в Улале одна больница на шестьдесят коек, даже без заразного отделения, и вендиспансер. Переполнение и грязь в лечебных заведениях Улалы невероятны. Амбулаторный прием и венерологические процедуры производятся в одной комнате одновременно мужчинам и женщинам. Сложные глазные операции д-р Алексеев должен делать в палате, где лежат больные. Палаты общие, больного кладут на первую освободившуюся койку. Оборудование тоже плохое, по словам врачей, не хватает даже халатов. Больные ходят в одном белье. Зубной врач один на всю область, но в улалинской амбулатории в

зубоврачебном кабинете нет зубоврачебного кресла, его заменяет кресло, взятое из парикмахерской.

Правда, до революции медицинская помощь в горном Алтае была еще слабее. Раньше на весь Алтай были три больницы, а теперь как-никак семь и четыре фельдшерских пункта. Посылаются летучие отряды: глазные, венерологические и другие. Но, конечно, всего этого слишком мало. Что значат для Ойротии какие-то сто - сто пятьдесят коек? Радиус врачебного и фельдшерского участка – двести–триста километров, при этом – горы, разливы рек... Участковому врачу приходится буквально разрываться. На руках тяжело больные, а тут вызов, несчастный случай. Надо садиться на лошадь и скакать по горам, может быть, несколько десятков километров... Положение медицинского персонала на периферии еще тяжелее, чем в Улале. Очень мало находится врачей, соглашающихся ехать на работу в ойротскую глушь, поэтому в Ойротии есть врачебные участки без врачей, например, Кош-Агач и другие.

Помимо всех других соображений в этом известную роль играют и опасения врачей вступать в конфликты с местной администрацией. Приходится сказать, что власти, да и сам облздрав, часто подают повод к этим опасениям. Недоразумения между облздравом и врачами не раз уже переносились в Москву. В аймаках нередко против врачей возбуждаются нелепые процессы, которые обыкновенно прекращаются за отсутствием состава преступления, но морально треплут врачей.

Наша справка

¹ Село Тарханское – ныне село Быстрянка Красногорского района Алтайского края.

² Степанов Владимир Леонидович (1895 – 1938) - режиссер и кинооператор; известность как оператору ему принес первый советский документально-публицистический полнометражный фильм «Шанхайский документ» (1928 г.). В 1929 г. вышел его документальный немой (с пространными титрами-комментариями) фильм «Алтай-кижи». Копия фильма хранится в Российском государственном архиве кинофотодокументов. О фильме см.: Головнев И. А. Традиционные этнокультурные общества в этнографическом кино: «Алтай-кижи» Владимира Степанова // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 148–158.

³ Киргизами в XIX - первой половине XX в. называли казахов, компактно проживавших на территории Горного Алтая.

⁴ Анохин Андрей Викторович (1869-19310 – ученый-этнограф, композитор, его имя носит Национальный музей Республики Алтай. См. о нем:

<http://www.musey-anohina.ru/index.php/ru/posetitelyam/150-let-anokhinu-a-v-v-2019-g/item/952-a-v-anokhin-i-kraevedcheskoe-dvizhenie-v-gornom-altae>

Самый известный труд Анохина А.В. см. в Электронной библиотеке на сайте НБ РА: Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии : Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Российской Академии Наук. Том IV, 2. - Л. : [Изд-во РАН], 1924. - 148 с. http://nbra.ru/bd/scripts/bookinfo.php?book_id=336

⁵ «Ойротский Край» - орган Обкома ВКП(б), Областного исполнительного комитета и профсоюзного бюро Ойротской автономной области. Под таким названием областная газета выходила с 1922 по 1933. гг.; далее – «Красная Ойротия». Текст доступен на сайте НБ РА в электронной библиотеке: <http://nbra.ru/bd/scripts/list.php?booktype=0&help=about>

⁶ «Кызыл Ойрот» - орган Обкома ВКП(б), Областного исполнительного комитета и профсоюзного бюро Ойротской автономной области на алтайском языке (печаталась с 1925 по 1929 г. на традиционной графике алтайского алфавита, с 1929 по 1934 г. – на латинизированной графике – яналифе). Текст доступен на сайте НБ РА в электронной библиотеке: <http://nbra.ru/bd/scripts/list.php?booktype=0&help=about>

⁷ Речь идет о региональном отделении Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) - научно-исследовательского учреждения, которое в СССР занималось сбором, хранением, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции.

*В качестве иллюстраций использованы фотографии Ойрот-Туры из фондов
Государственного архива Республики Алтай*